

Ф И Л И П П
ШЕЙДЕМАН

ВОСПОМИНАНИЯ
ПЕРВОГО КАНЦЛЕРА
ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
О РАСПАДЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1914 / 1922

Великие империи мира

Филипп Шейдеман

**Крушение Германской империи.
Воспоминания первого канцлера
Веймарской республики о распаде
великой державы. 1914–1922 гг.**

«Центрполиграф»

1921

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гер)

Шейдеман Ф.

Крушение Германской империи. Воспоминания первого канцлера Веймарской республики о распаде великой державы. 1914–1922 гг. / Ф. Шейдеман — «Центрполиграф», 1921 — (Великие империи мира)

ISBN 978-5-227-10198-3

Филипп Шейдеман (1865–1939) – немецкий политик, один из лидеров Социал-демократической партии Германии – описал в своей книге самые сложные периоды Первой мировой войны, кризис кайзеровского режима, а также события революционных дней в ноябре 1918 г. Воспоминания Шейдемана содержат бесценные сведения о последних днях Германской империи, учреждении Веймарской республики и политической ситуации в Европе в целом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гер)

ISBN 978-5-227-10198-3

© Шейдеман Ф., 1921
© Центрполиграф, 1921

Содержание

Предисловие	6
На пороге мировой войны	7
Позиция Социал-демократической партии в отношении войны	9
«За мир на основах соглашения»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Филипп Шейдеман
Крушение Германской империи.
Воспоминания первого канцлера
Веймарской республики о распаде
великой державы. 1914–1922 гг.

Philipp Scheidemann

Der Zusammenbruch. Zerfall und Niedergang des Deutschen Kaiserreiches

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

* * *

Предисловие

В книге рассказывается о ряде событий, имевших место накануне и после крушения Германской империи, которые немногим пришлось пережить столь непосредственно близко, как автору этой книги. Несколько книг о войне и преобразованиях, последовавших за падением империи, написаны в защиту авторов, ради освобождения их от того или иного обвинения, а значит, это книги тенденциозные. Дело объективного исторического исследования – установить истину. У автора нет потребности защищаться, представлять оправдания и извинения. Он хочет, пользуясь заметками, которые делал в течение шести лет, и на основе собственных переживаний представить ряд очерков, способных заинтересовать широкие круги и, можно думать, далеко не бесполезных будущему историку. Если при этом на первом плане окажется сам автор и его партия, то это понятно, ибо все, излагаемое автором, пережито им в качестве представителя своей партии. До войны он на протяжении многих лет состоял в президиуме Социал-демократической партии. Во время войны был председателем социал-демократической фракции в рейхстаге и часто выступал от ее имени с речами. На постах статс-секретаря, народного депутата и министра-президента он одинаково оставался уполномоченным представителем своей партии.

Автору так часто приходилось представлять свою партию в рейхстаге, на партийтагах, в печати и на собраниях, что партии и политики, враждебные ему и его партии, безвкусно называли последнюю «шейдемановцами».

Часто автора объявляли ответственным за решения его партии, против которых он сам боролся, но выступления в пользу которых становились в конце концов его партийной обязанностью. Это случалось чаще, чем полагали за пределами партии. Соображения партийной дисциплины не позволяли огласки таких обстоятельств. Один яркий пример был, впрочем, приведен представителем президиума партии на партийтаге в Веймаре летом 1919 года: депутат Шейдеман вынужден был защищать на пленуме рейхстага решение фракции о воздержании при голосовании по вопросу о Брест-Литовском мирном договоре, тогда как во фракции он решительно выступал против мирного договора и требовал его отклонения.

Автору множество раз побуждали выпустить эту книгу. Она выходит в свет не в угрозу кому-либо и не для того, чтобы кому-нибудь досадить. В ней рассмотрены отдельные эпизоды бурного времени. Цельного впечатления она не дает. Все эпизоды приходятся на критические периоды войны и месяцы, предшествовавшие крушению империи 9 ноября. Из очерков, собранных в этой книге, видно, что крушение империи явилось неизбежным следствием войны, как с большей или меньшей необходимостью произошло и все, последовавшее за крушением.

На пороге мировой войны

Перед войной Германская Социал-демократическая партия рассчитывала, политически и тактически, на мирную эволюцию к демократии и через демократию к социализму. Результаты выборов в рейхстаг позволяли с уверенностью говорить, что в относительно близком времени значительное большинство германского народа будет поддерживать социал-демократию. Уже в 1912 году из каждых трех избирателей один голосовал за социал-демократа. Много ли могло понадобиться времени для того, чтобы так стал голосовать один из каждых двух избирателей, чтобы за нами оказалось большинство? Что в наши намерения не входило допускать и тогда господство, политическое насилие над нами и экономическую эксплуатацию нас со стороны меньшинства – это было очевидно. Предметом внутрипартийных споров были, однако, стремления определенной группы к захвату политической власти ранее обеспечения себе большинства, путем «неустанных уличных демонстраций, массовых забастовок и т. п.».

Я принадлежал к числу противников этой тактики. Главными ее сторонниками и пропагандистами выступали женщины – Люксембург и Цеткин. Мне казалось, что попытка насильственного овладения политической властью со стороны меньшинства не только противоречила бы нашей партийной программе, научную основу которой мы постоянно подчеркивали с такой гордостью, – мне казалось, что такая попытка и недемократична, и, при обстоятельном рассмотрении, неумна. Ибо там, где можно без сомнения рассчитывать, что революционная партия через 10 или 15 лет – а что такое 15 лет в жизни народа! – почти автоматически привлечет на свою сторону большинство народа и вместе с тем завоюет и неоспоримое право на овладение политической властью, там представлялось мне непростительным преждевременно вовлекать народ в гражданскую войну, в которой не только, по моему убеждению, невозможна была победа, но которая должна была отбросить социал-демократическое движение назад на неопозоримо долгое время. Не на одном партийтаге эти различные точки зрения приводили к жестоким стычкам. Живое помню мою последнюю борьбу с Розой Люксембург на партийтаге в Йене в 1913 году. Чем яснее становилось, что «путчисты» не могут рассчитывать на большинство в партии, тем ожесточеннее и недобросовестнее велась ими борьба. И не вспыхни война, поведшая к расколу партии, распад ее все-таки оказался бы неизбежным. Правда, партийная группировка стала бы несколько иной, ибо известно, что с началом войны нас покинули несколько человек, до того принадлежавших к самым ненавистным и самым враждебным Розе Люксембург и Цеткин ревизионистам. Упомяну одного – Эдуарда Бернштейна.

Хотя социал-демократия совершенно ясно сознавала, что в век империализма военные опасности должны постоянно возрастать, тем не менее она жила надеждой не только на то, что социал-демократические партии в великих державах достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать войне, но полагала, что исход войны для каждой из великих держав настолько сомнителен, что каждое из государств постарается употребить все усилия к предотвращению войны.

Другими словами, социал-демократия постоянно считалась с возможностью войны, но также и с тем, что вероятность ее избежания превосходит ее возможность. В последние годы эту концепцию укрепили исключительно благоприятное течение и исход франко-германских конференций в Берне (1913) и Базеле (1914). На Бернской конференции еще присутствовал Бебель. В Базеле я в последний раз виделся и говорил с Жоресом. Бернская конференция, которую в общественном мнении пропагандировал Людвиг Франк, но которая была созвана по почину Фридриха Штампфа, произвела настолько благоприятное впечатление, что в Базель явились уже представители буржуазных политических партий, как французских, так и германских. Из германских представлены были некоторые группы центра и демократы. Из Франции приехали, вместе с другими, известные политические деятели Оганье и Эстурнель де Констан. Германское правительство благосклонно относилось к этой конференции, с живым интересом

следило за ходом ее работ и с большим удовлетворением указало мне на положительные ее результаты. Немного прошло после Берна недель, и над нами разразилась катастрофа!..

Я совершал в течение двух недель горную прогулку по Тиролю и 24 июля 1914 года прибыл в Миттенвальд на Изаре для того, чтобы там, как я это делал уже много лет подряд, наконец, действительно отдохнуть неделю. Тем не менее я не мог устоять против искушения и 25 июля снова ушел в горы. Поэтому только вечером узнал я об австрийском ультиматуме Сербии. Я остолбенел от негодования. Долго думать было, однако, некогда. Я пошел в писчебумажный магазин и купил объемистую записную книжку, чтобы отныне вести дневник. Будущее казалось мне безнадежным. Вечером того же дня я начал свои записки, и так до Веймара, ночь за ночью, часто после очень тревожных дней, исписал 26 толстых тетрадей. Поскольку мои записки представляют общий интерес, они будут позднее обнародованы без всяких изменений. При составлении настоящей книги я опираюсь на свои дневники, из которых многое воспроизвожу дословно. Начинаю с цитирования заметок, сделанных в последние дни перед войной.

Из моего дневника

24 июля 1914 года. Я считаю ультиматум чудовищным и совершенно ясно вижу, что Австрия хочет войны.

26 июля. День моего рождения. Я вступаю в пятидесятый год жизни. Уже! Жаль. Я читаю свежие газеты. Никакого сомнения: нужно чудо, чтобы все уладилось. Мы отправляемся через границу, в Шарниц, ближайшую железнодорожную станцию в Тироле. Там, я думаю, можно будет что-нибудь узнать, если Австрия действительно готовит мобилизацию. Действительно, на вокзале висят уже объявления о сокращении железнодорожного сообщения для публики, с 28 июля – «первого дня мобилизации». Немедленно возвращаюсь на баварскую территорию, чтобы иметь возможность оттуда телеграфировать «Форвертсу». В тот же вечер уезжаю через Мюнхен в Берлин.

28 июля. С половины десятого заседание президиума партии, вместе с контрольной комиссией. Эберт еще не вернулся в Берлин. Вечером в Фридрихштадте большая демонстрация против войны и военных крикунов, которые весь день наводняли Унтер-ден-Линден. Наша демонстрация была внушительна, однако надолго удержать перевес над патриотическими крикунами, большей частью школьниками, ей не удалось. Полиция вела себя довольно сдержанно.

30 июля. «Берлинер локаль-анцейгер» выпустил экстренный листок следующего содержания: «Мобилизация в Германии. Решение принято в том смысле, в каком его следовало ожидать, судя по известиям последних часов. Как мы узнали, император Вильгельм только что предписал немедленную мобилизацию германской армии и германского флота. Этот шаг Германии есть вынужденный ответ на угрожающие военные приготовления России, которые, соответственно общему положению вещей, направлены против нас не меньше, чем против нашего союзника Австро-Венгрии». Этот листок был выпущен около полудня. Как только он попал в наши руки, Эберт и Браун отправились по поручению партии в Цюрих. Однако до их отъезда нам удалось доставить им на вокзал новый листок того же «Берлинер локаль-анцейгера» следующего содержания: «Грубое озорство вызвало распространение сегодня в полдень листка „Берлинер локаль-анцейгера“ с сообщением о том, что Германия объявила мобилизацию армии и флота. Мы заявляем, что сообщение это неверно». Будут ли когда-нибудь полностью раскрыты все науськивания на войну, скрывающиеся за такими выступлениями?

Позиция Социал-демократической партии в отношении войны

Первые августовские дни, посвященные политическому осознанию войны, предстанут всего живее, если я обрисую их в заметках, сделанных в то время по ночам и полностью отражающих возбуждение и отдельные впечатления от непрерывного обсуждения событий.

31 июля. Заседание президиума партии. Мы ожидали мобилизации с минуты на минуту. Еще раз обсудили все соответствующие мероприятия на всевозможные случаи, ибо считались с очень неумным поведением властей, следовательно, и с возможностью арестов.

Гаазе докладывает о последнем заседании Международного бюро в Брюсселе. Вечером повторяются патриотические манифестации. Около полудня заседание президиума партии с президиумом фракции. Ставится вопрос о созыве фракции, для занятия определенной позиции, в отношении ожидаемого внесения военных кредитов. Поддерживаемый Ледебуром, Гаазе пытается создать настроение в пользу отклонения кредитов в случае созыва рейхстага. Во избежание принятия слишком поспешного решения в том же заседании я для отсрочки окончательного решения отстаиваю созыв фракции в целом; мы не должны спешить. Во всяком случае, я хотел до созыва президиума фракции найти случай поговорить о кредитах с Фишером, Давидом и Молькенбуром. Эберт, которого я мог считать сторонником моей точки зрения, был, к сожалению, за границей. В конце концов мы сошлись на том, чтобы немедленно послать Мюллера в Брюссель, для дальнейшей поездки с Гиусмансом в Париж и подготовки там тождественного с нашим голосования, а если нужно, то и общей декларации в рейхстаге и во французской палате депутатов. Мюллер немедленно уехал. Около полудня было объявлено так называемое «положение угрожаемости войною». Вместе с тем главнокомандующий, генерал фон Кессель, вступил, так сказать, в управление редакцией «Форвертса».

1 августа. Получено сообщение об убийстве товарища Жореса – ужасающая новость! Я немедленно составляю редакции «Юманите» сочувственную телеграмму следующего содержания: «Глубоко потрясенные, узнали мы ужасающую весть, что ваш, что наш Жорес покинул мир живых. Не могло быть более тяжелой утраты для вас, для нас всех в эту серьезную минуту. Германский пролетариат склоняется перед гением великого борца и от глубины сердца скорбит о том, что именно ныне не может оказаться на месте человек, всю жизнь борющийся за соглашение Франции с Германией. Его дело не преходяще в истории международного социализма и человеческой культуры». Телеграмма спешно отправляется, но, вероятно, никогда не будет получена. Напряжение в Берлине достигло предельной точки; на улицах чудовищное движение. Хотят достоверных сведений. Вечером, в 6 часов, они налицо: мобилизация!

2 августа. Утром, в половине одиннадцатого, в зале заседаний президиума партий совещание с президиумом. Ледебур, как всегда, опаздывает на полчаса. Обсуждается вопрос о кредитах, так как отныне известно, что рейхстаг соберется 4 августа, Гаазе и Ледебур высказываются за отклонение кредитов, все остальные: Давид, Фишер, Молькенбур и я – за принятие. Соглашение невозможно. Для фракции в 111 человек не может быть и речи о воздержании от голосования – это признают все. Больше, чем когда-либо, ощутил я в эти минуты утрату Бебеля, с его неизменным чувством реальности. Гаазе, в качестве партийного лидера, совершал, по-моему, катастрофические ошибки. Давид говорил отлично, Молькенбур, как всегда, трезво, но с разящими доводами. Умный Фишер был так взволнован, что во время речи с ним сделался нервный шок, и он расплакался. Убедить Гаазе и Ледебур было невозможно, но казалось, они рады тому, что остались в меньшинстве. Мы условились вечером встретиться еще раз в «Форвертсе» и там обсудить оба проекта предполагаемой декларации о принятии кредитов и об их отклонении. Независимо от того, за кем окажется большинство во фракции, мы

хотели в любом случае повлиять на редакцию предполагаемой декларации. После обеда, около 6 часов, Давид, Фишер, Молькенбур, Шепфлин, Вельс, Зюдекум и я встретились в саду Гера, в Целендорфе, и после нескольких часов обсуждения выработали текст декларации. Вечером, в 9 часов, в «Форвертсе» новая борьба с Гаазе и Ледебуром. Ни у кого из них текста декларации не было. У каждого было по незаконченному наброску. Мы разошлись только около полуночи. Удастся ли склонить большинство фракции к голосованию за кредиты или нет? В течение дня у меня на квартире было получено приглашение имперского канцлера фон Бетман-Гольвега на заседание 3 августа, в 12 часов утра, в канцлерском дворце.

3 августа. Рано утром, в 10 часов, заседание фракции. Гаазе докладывает о предшествующем обсуждении вопроса о кредитах. Фракция постановляет отложить заседание до моего и Гаазе возвращения от канцлера. Пробыв пять минут в зале заседаний фракции, я успокоился. Некоторые из самых радикальных наших товарищей заявили мне, что принятие кредитов для них бесспорно. Среди них был Гох.

Имперский канцлер фон Бетман-Гольвег перед президиумами фракций рейхстага

Вильгельмштрассе, 77, исторический зал на первом этаже, выходящий окнами в сад; присутствуют: министр Дельбрюк, помощник государственного секретаря Ваншаффе, начальник государственной канцелярии, депутаты фон Вестарп, Шпан, Эрцбергер, Бланкенгорн, принц Шёнайх-Каролат, Кемпф, Вимер, Фишбек, Шульц-Бромберг, фон Моравский, Шееле, Гаазе и я. Мы беседуем непринужденно, не садясь, о законопроектах, которые должны быть приняты в связи с законом о кредитах. Около половины одиннадцатого пришел канцлер. Он выглядел очень измученным. Он пожал всем руку. У меня было такое чувство, словно мою руку он жал намеренно долго. Когда он потом сказал: «Доброе утро, господин Шейдеман», мне показалось, что он хотел дать мне понять: «Ну, теперь, я надеюсь, наша обычная грызня будет на время отложена». «Это будет зависеть от него», – подумал я. Юмор не утрачивает своих прав даже в такие серьезные минуты. Шееле принес Бетман-Гольвегу извинения за то, что явился в сером сюртуке. Канцлер сказал: «Пожалуйста» – и обратился к кому-то другому. Затем он занял место в конце стола. Направо от него сели по порядку: Дельбрюк, Шиан, я, Гаазе и т. д., по левую сторону Гетмана сидел старый Кемпф. Канцлер произнес перед нами речь, которую он на следующий день сказал в рейхстаге. Время от времени он делал замечания более или менее конфиденциального характера, спущенные им затем в рейхстаге. Чем ближе канцлер подходил к концу, тем оживленнее становились его движения, от волнения он не знал, куда девать свои длинные руки. Иногда он стучал обеими руками по столу. Зато голос его стал беззвучным, когда он говорил: «Моя совесть чиста». Мне было его искренне жаль. Я чувствовал, как тяжело ему было дать императору совет объявить мобилизацию. Я сравнивал в эти минуты Бетман-Гольвега с его предшественником Бюловом и сказал себе: «Это счастье в нашем несчастье, что не Бюлов теперь канцлер». Я внимательно следил за сменой событий в последние годы и пришел к убеждению, что к Бетман-Гольвегу были очень несправедливы и что в неправильной его оценке виновато заблуждение, в которое не раз вводила болтовня Бюлова.

Кемпф поблагодарил канцлера за сообщение, и Бетман-Гольвег попросил разрешения тотчас же удалиться, так как ему предстояло очень много работы.

Ничего удивительного! Когда Бетман поклонился нам на прощание, я увидел, что его низкий стоячий воротник совершенно промок от пота; возможно, несчастный уже несколько дней не раздевался.

Один из депутатов спросил Дельбрюка о позиции Италии. Бетман-Гольвег ничего об этом не сказал. Хитрый, как лиса, Дельбрюк отговорился полным незнанием. Неудовлетворенное собрание перешло от Италии к повестке дня и стало обсуждать наиболее целесообразный поря-

док рассмотрения законопроектов в пленуме рейхстага. В связи с тем что участники собрания держали себя так, как будто в единогласном принятии всех предложений, а значит, и закона о кредитах, невозможно сомневаться, то Гаазе и я обратили внимание собрания на то, что наша фракция еще не приняла окончательного решения. На это Эрцбергер заметил насмешливо: «Ну, настолько-то они будут умны, чтобы на этот раз голосовать за принятие». Все улыбнулись. Всем тоном своего участия в этой беседе Гаазе не мог вызвать ни у кого мысли, что он лично не стоит за принятие кредитов. Это возмутило меня, потому что до последней минуты перед приходом в канцлерский дворец он употреблял все усилия для того, чтобы добиться отрицательной резолюции фракции. Я сказал ему об этом по дороге из дворца в ресторан «Цоллернгоф», где мы вместе обедали. Он ответил: «Я все время указывал на то, что фракция еще не приняла решения». Совершенно независимо от его принципиальной позиции, поведение Гаазе было мне глубоко несимпатично.

Итак, в канцлерском дворце было постановлено: после канцлерской речи Кемпф скажет краткое слово, в котором заявит, что рейхстаг единогласно принимает предложенные кредиты и что за них голосуют даже те, кто являются принципиальными противниками войны. Гаазе проглотил это. Между тем я заметил, что о форме декларации, которая для нас («в зависимости от того, как сложится решение фракции») весьма важна, мы сговоримся с Кемпфом. Все, в том числе и Кемпф, согласились на это. После Кемпфа в рейхстаге не должен был, по мысли собрания, брать слова никто. Против этого я и Гаазе выступили очень решительно. Как бы ни сложилось решение фракции, мы должны были хотя бы кратко мотивировать свое голосование. Новое разногласие. Я указал на особое положение нашей партии, которое должны были учитывать и остальные члены собрания. В конце концов достигли соглашения на следующих исходных положениях: редакция нашей декларации должна быть сообщена лидерам остальных партий для того, чтобы они могли выработать эвентуальные возражения. Гаазе дал торжественное обещание, что к возражениям повода не будет. Ни при каких обстоятельствах наша декларация не заденет какой-либо другой партии, она лишь в общих выражениях отклонит, вероятно, ответственность за политику, которая, по нашему мнению, вела и привела к войне. Форма декларации будет достойная, соответственно моменту. Общее согласие. Оставался еще один подводный камень: «ура императору». «Как вы поступите?» – спрашивали нас. Я сейчас же взял слово, чтобы предупредить Гаазе. Я просил не создавать нам новых трудностей. Заседание откроется в белом зале дворца, там и раздастся «ура императору», как при открытии, так и при закрытии этой части заседания. Заседание же в рейхстаге будет только продолжением предыдущего. Там в третьем «ура» необходимости нет. Последовали оживленные возражения. Если же, продолжал я, без третьего «ура» невозможно, то пусть это будет «ура народу и родине». Начался новый продолжительный обмен мнениями, в котором принял участие, не внося, однако, никакого положительного предложения, и Гаазе. Много говорили о традициях, о том, что невозможно как раз теперь и т. д. Между тем я шепнул на ухо сидевшему рядом со мной депутату Шпану так громко, что Дельбрюк должен был услышать: «В крайнем случае я считаю приемлемым „ура императору, народу и родине“». Дельбрюк сейчас же подхватил эти слова, а Гаазе несколько позднее (во фракции) был счастлив, что «правительство само сделало такую большую уступку социал-демократии».

Заседание фракции шло очень бурно. Я председательствовал. Во время заседания на сцене появился Герман Мюллер. Он только что приехал из Парижа. Я немедленно предоставил ему слово для доклада о пережитом там. Сознаюсь, я был очень озабочен. Исходя из доклада, должно было сложиться решение фракции. По плечу ли Мюллеру задача? Не зная предшествовавших прений, он ярко изобразил пережитое им. Воспроизвожу им самим записанный доклад.

«В Париже во время мобилизации

Вечером 1 августа, вскоре после того, как я приехал в Париж, состоялись, в семь тридцать и в десять тридцать часов, два заседания с некоторыми товарищами из президиума французской партии и социалистической группы палаты депутатов. Это было на следующий день после убийства Жореса, о котором я узнал в то же утро по приезде в Брюссель. Французские товарищи были еще совершенно подавлены трагической кончиной великого французского социалиста, который до последнего часа старался предотвратить грозящее всей Европе несчастье. Прием, оказанный мне французскими товарищами, был так же сердечен, как и во все мои предыдущие посещения Франции. До самого отъезда они были полны дружественной заботы обо мне в роковые для всех часы. На заседаниях председательствовал Марсель Самба. После приветствия я сообщил, что цель моего приезда в Париж – поручение президиума германской партии сделать сообщение о политическом положении, которое так чудовищно обострилось в последние два дня. 29 июня Международное бюро в своем заседании в Брюсселе постановило перенести в Париж и назначить на 9 августа Международный социалистический конгресс, планировавшийся в конце августа в Вене. Ввиду напряженного международного положения президиум партии считает невозможным созыв конгресса 9 августа в Париже. По крайней мере, германским партийным товарищам участие в этом конгрессе в большом числе представляется на первый взгляд невозможным.

Переговорив с товарищем Гюисмансом, Исполнительный комитет Международного бюро разослал сегодня утром циркуляр, которым конгресс, назначенный на 9 августа, откладывается на неопределенное время. Президиум германской партии считает международное положение исключительно критическим, несмотря на то что надежда на разрешение кризиса не должна считаться совершенно исключенной. Германское правительство, особенно Бетман-Гольвег и император, стремятся к сохранению мира. Решение зависит от Петербурга. Если бы против нашей воли дело дошло до войны, то для социалистических парламентских фракций в ближайшие дни стал бы актуальным вопрос о голосовании по поводу военных кредитов. Сообщаю официально, что германский рейхстаг будет созван в следующий вторник. Фракция соберется, вероятно, днем раньше, поэтому очень желателен обмен мнениями по вопросу об отношении к военным кредитам: хотя по государственно-правовым причинам невозможно взаимное обязательство, и как фракция германского рейхстага, так и фракция французской палаты депутатов должны решать совершенно самостоятельно, однако германские товарищи высоко оценили бы единение с французскими товарищами в этом вопросе. Заседания фракции по этому вопросу не было, поэтому я и не могу дать каких-либо объяснений по полномочию фракции. Но и независимо от этого обмен мнений очень желателен, потому что однородная позиция германской и французской фракций должна произвести то же сильное впечатление, какое однородная позиция обеих фракций производила и прежде, – например, в недавнем общем германо-французском манифесте против вооружений. Что до взглядов германских социал-демократов, то они в вопросе о военных кредитах не одинаковы. В 1870 году, в начале войны, часть социалистов воздержалась от голосования, часть голосовала в рейхстаге за кредиты. На этот раз такого разделения, однако, не будет, вся фракция будет голосовать одинаково. Перед моим отъездом состоялось заседание членов президиума партии и членов президиума фракции, на котором мнения разделились, и определенного решения принято не было. Насколько я лично знаю настроение партийных кругов, сильное течение направлено против принятия кредитов. Наконец, неофициально в партийных кругах обсуждался и вопрос о воздержании при голосовании.

Самба поблагодарил от имени партии за эти сообщения и заметил, что французская партия также считает обмен мнениями очень ценным. Благодарности заслуживает то, что при существующих трудных условиях я приехал в Париж, чтобы обсудить положение с французскими товарищами. Жорес до последних часов жизни употреблял все свое влияние на французское правительство для сохранения мира, а французское правительство влияет в том же

направлении на Россию. Что касается вопроса о кредитах, то парламентская фракция не собиралась еще и во Франции. Если суждено вспыхнуть войне, то и французская фракция будет, но лишь на будущей неделе, самостоятельно решать вопрос о кредитах. О сегодняшнем обмене мнений будет доложено фракции при ее созыве. Затем Самба коснулся вопроса о том, нельзя ли сделать в германском рейхстаге и во французской палате декларации одинакового содержания. Манифест 1 марта 1913 года оказал хорошие услуги.

Я ответил, что при существующем положении вещей не считаю возможным найти формулу для однородной декларации, которая должна быть сообразована с тем, что фракциям обеих стран придется сказать в нынешних, в деталях еще совсем не поддающихся характеристике, условиях. Кроме того, на мой взгляд, технически невозможно в какие-нибудь два дня сойтись на общей редакции. Телеграфное сообщение между Францией и Германией, видимо, уже прекращено, и вообще не известно, удастся ли мне до будущего понедельника вернуться в Берлин после того, как во Франции уже будет объявлена общая мобилизация.

Ренодель был полностью согласен со мной во взгляде на общую декларацию. Он думал, однако, что положение французской и германской социал-демократии не совсем одинаково. Французское правительство держит социалистов вполне в курсе международных событий, в Германии же это не так. Если Германия нападет на Францию, народ и правительство которой хотят мира, французские товарищи должны будут голосовать за военный бюджет, потому что за Францией должны быть сохранены средства обороны. В таком положении французские товарищи не смогут воздержаться от голосования. Германские же товарищи в случае нападения Германии окажутся совсем в другом положении. Поэтому при определенных обстоятельствах они могут голосовать против военных кредитов. Я возразил, что вопрос о том, является ли война наступательной или оборонительной, не всегда поддается ясному разрешению в самом начале военных действий. Одного факта объявления войны недостаточно для того, чтобы война представлялась наступательной. Если бы разыгралась большая европейская война, то основные корни ее – в капиталистически-империалистической экспансионной политике и в соперничестве государств в вооружении, которое ведется всеми странами одинаково уже в течение десятилетий. Кроме того, надо принять во внимание, что эта война, несомненно, автоматически перебросится на другие страны, потому что европейские великие державы стоят одни перед другими, объединенные в две союзные группы.

За этими указаниями последовали более продолжительные прения, главным образом, о причинах, которые могли бы побудить часть германской социал-демократии не голосовать против кредитов, а затем обсуждался вопрос о том, можно ли рассчитывать на однородную позицию фракций в смысле воздержания от голосования. Доводы, которые могли быть приведены с германской стороны в пользу голосования за кредиты, отошли в этих дебатах на второй план, потому что они лежали на одной линии с доводами, которые французские товарищи приводили в пользу своего голосования за кредиты. Среди французских товарищей, как казалось, не было вовсе течения в пользу голосования против военных кредитов. Наши французские товарищи смотрели на Францию, в случае вовлечения ее в войну, как на объект нападения со стороны германского милитаризма и считали, что Франция окажется поэтому в положении, отличном от Германии. По их мнению, партия должна будет голосовать за кредиты, ибо, в случае нападения со стороны германского империализма, подверглись бы опасности французские либеральные традиции, и Французской Республике пришлось бы вести борьбу за свое существование. Правая часть марксистского крыла французской партии была вполне солидарна с левой. Вопрос рассматривался под углом жестокого нападения со стороны германского империализма, и в этом положении партия признавалась обязанной предоставить французскому отечеству средства защиты.

Когда в течение прений один из товарищей особенно резко и возбужденно заявил, что в случае возникновения войны большинство французского народа будет считать виноватой

Германию, я также решительно выступил против этого товарища с защитой германской точки зрения.

Германские социалисты привыкли говорить правду своему правительству в самой резкой форме. Это хорошо знает Интернационал. Совсем недавно мы публично выражали нашему правительству жесточайшие упреки в том, что перед предъявлением австрийского ультиматума Сербии оно недостаточно подумало о значении ультиматума для Германии. Но теперь положение сложилось бесповоротно, и дело обстоит так, что величайшая опасность грозит из Петербурга. Если панславистской партии удастся провести мобилизацию, война неизбежна. Мы твердо убеждены, что Вильгельм II и Бетман-Гольвег искренне работают на пользу сохранения мира. Последние недели, когда уже был известен австрийский ультиматум Сербии и приходилось считаться с возможностью войны, я посетил Среднюю и Южную Германию. Нигде не слышал я ни одного дурного слова, направленного против Франции. Но сплошь и рядом в широчайших партийных кругах в Германии придерживаются того взгляда, что в случае возникновения мировой войны вина за нее падает на Россию и что Франция в состоянии устроить мировую войну, оказав на Петербург достаточное давление для сохранения мира.

В течение дебатов, характеризуя различные тенденции и направления, представленные, по моему мнению, в германской партии, я должен был особо подчеркнуть доводы, говорящие против голосования за временные кредиты, потому что, не находя никакого отклика во французской партии, они должны были, тем не менее, учитываться при стремлении создать единую позицию в обеих странах. Особое усилие я должен был направить на то, чтобы установить, есть ли хоть какая-нибудь вероятность склонения французской фракции к воздержанию при голосовании. Так как речь шла о тенденциях и течениях, я высказывал только свое личное мнение и подчеркивал, что сам я не принадлежу к фракции и при оценке силы отдельных настроений в ней принужден руководствоваться общими моими сведениями о позиции фракционных товарищей в тактических вопросах. В течение всей этой беседы по вопросу о воздержании при голосовании у меня было такое впечатление, что отдельным товарищам кажется сомнительной самая допустимость прений по этому вопросу. Поэтому, в конечном счете, встал вопрос том, не будет ли в конце концов германская партия голосовать за кредиты. В этой связи я заявил, в качестве своего личного мнения, что при возможности воздержания при голосовании в обоих парламентах я считаю исключенным для германской партии голосование за военные кредиты.

Гюисманс был того мнения, что Германия потому должна учитывать возможность воздержания при голосовании, что положение ее иное относительно положения Франции и России и что германская фракция должна иметь в виду особое отношение к России.

Самба резюмировал обмен мнений в том смысле, что, ввиду различных течений в германской партии, французская парламентская фракция также вынесет на обсуждение воздержание при голосовании, чтобы таким образом прийти, может быть, к единой позиции французской и германской фракций. При этом он, однако, подчеркнул, что соответствующее обязательство представляется невозможным, так как за фракцией должна быть сохранена свобода решения. Я поспешил объяснить, что и у меня нет полномочий говорить от имени германской фракции, которая определит свою позицию на будущей неделе.

По общему положению вещей, я считал возможным сделать такое заявление, так как тогда очень считался с возможным решением фракции в пользу воздержания при голосовании. Я переоценивал в то время силы противников принятия кредитов и, кроме того, вовсе не допускал, что фракция не вынесет на рассмотрение вопроса о воздержании при голосовании.

Все изложенное было в значительной части сказано дважды, так как в Париже состоялось два заседания: одно в палате депутатов, другое в редакции „Юманите“. Второе заседание было созвано потому, что желали привлечь ряд товарищей, которые не могли участвовать в первом; так, на втором заседании были Тома и Компер-Морель, тогда как Гед и Вайян не могли прийти ни на одно. Общее течение прений не оставляло никакого сомнения в том, что французская

фракция будет голосовать за кредиты. Я тогда же доложил фракции рейхстага об этом своем определенном впечатлении. Переговоры решено было не предавать гласности, и в ту же ночь я покинул Париж. По предложению Лонге наши французские товарищи хотели снабдить меня французским паспортом, который обеспечил бы мне возвращение в Германию. Я отказался, однако, от того, чтобы соответствующие хлопоты были предприняты перед Вивиани.

Настоящий доклад написал 8 марта 1915 года после того, как Ренодель высказался о моем посещении Парижа в „Юманите“ от 26 февраля 1915 года. Доклад написан по памяти, потому что, ввиду неустойчивости положения, делать заметки в пути было невозможно. Я, вероятно, не выбрался бы из Франции, если бы при задержании меня в Мобеже не сказал, что приехал в Париж на похороны Жореса, но по совету моих французских друзей, ввиду политических событий, уехал, не дождавшись погребения».

После доклада Мюллера прения продолжались. Я записал о них в своем дневнике следующее:

«От имени президиума говорили: Давид – за принятие кредитов, Гаазе – против. Затем в следующем порядке: Молькенбур – за, Ледебур – против, Фишер – за, Ленш – против, Каутский – за (с оговорками), Либкнехт – против, Коген – за, Герценфельд – против. Затем прения были закрыты. В списке ораторов значились еще: Штребель из „Форвертса“ – против, все остальные: Штальман, Шейдеман, Ландсберг, Бернштейн, Блосс, Зильбершмидт, Цубейл, Штадтгаген, Гох, Дитман, Давидсон, Фроме, Гере, Шепфлин, Вельс – за. При голосовании 14 голосов было подано за отклонение кредитов, остальные за принятие. Всего присутствовало 92 товарища. Затем была избрана комиссия в составе Каутского, Давида, Гоха, Вельса и Франка, которая к следующему утру должна была составить соответствующую декларацию. Основой должна была служить наша (Давида) редакция и внесенные различными лицами (Каутским, Штадтгагеном и другими) поправки. Затем фракция приняла лозунг „ура императору, родине и народу“. Многократно требовали, чтобы мы не кричали „ура“, а только молча встали. Прений по этому поводу, однако, не было. На следующее утро мне пришлось ободрять принца Шёнайх-Каролата, который потребовал от меня, как было условлено, текст нашей декларации. То же пришлось сделать в отношении Эрцбергера, фон Вестарпа и Кемпфа. С последним я обсудил текст речи, которую он должен был произнести после канцлера. Я заявил, что согласен с его проектом, и Кемпф потом говорил в рейхстаге, как обещал».

Нарушение бельгийского нейтралитета и Интернационал

Декларация, выработанная фракцией и произнесенная Гаазе в рейхстаге 4 августа 1914 года, воспроизводилась так часто, что мне незачем ее повторять. Хочу уточнить только, что после речи канцлера 4 августа сделан был перерыв для заседания фракций. Во фракции Ледебур шумел по поводу того, что некоторые депутаты во время речи Бетман-Гольвега кричали будто бы «браво». О Бельгии не говорили ни Ледебур, ни Либкнехт, вообще никто, хотя канцлер сообщил о вторжении в Бельгию. Мелкая придирчивость некоторых членов фракции была виной тому, что самый большой и самый важный вопрос оказался совершенно забыт – о нем даже не упоминали. На социал-демократические партии нейтральных государств сообщение о вторжении в Бельгию и особенно о разрушениях в Лувене произвело ужасающее впечатление. Мы тотчас же поняли, что перемена настроения могла быть крайне опасной для Германии. Так как не только в Скандинавских странах, но также и даже особенно в Италии и Голландии социал-демократическая печать заняла очень недружелюбную по отношению к нам позицию, Вильгельм Янсон был послан в Стокгольм, доктор Зюдекум в Италию, а я отправился в Голландию.

Мы должны были повлиять на партийную печать для того, чтобы она более строго соблюдала нейтралитет. Янсон немного мог сделать в Стокгольме, потому что Брантинг с самого

начала войны был настроен в пользу Антанты. Зюдекум, долго не дававший о себе знать, был телеграммой отозван обратно. Итальянские социалисты весьма недружелюбно встретили его миссию, и в Италии ничего не удалось добиться. Мне в Голландии повезло больше. Правда, и голландские товарищи не одобряли вторжение в Бельгию, считали его тяжким преступлением. Тем не менее они не только обещали, но, обещав, и соблюдали в своей партийной газете нейтралитет.

Трудностей только что указанного порядка у Социал-демократической партии во время войны было множество. Говорить о них всех значило бы чрезвычайно увеличить объем этой книги.

И все-таки при описании важнейших событий они всплывают неизбежно. Они доминировали во всех работах Стокгольмской конференции, как позже играли роль в отношении отдельных социалистических партий к германской социал-демократии. Как много, однако, встретили мы наряду с этим понимания нашего тяжелого положения, будет видно из изложения многочисленных переговоров с друзьями по партии в нейтральных государствах.

«За мир на основах соглашения»

«Шейдемановский мир»

Само собой разумеется, что в течение первых недель и месяцев войны мы придерживались известной сдержанности. Никто ведь не знал, не окончится ли война очень скоро и не станет ли таким образом военная политика излишней. Я лично, впрочем, уже к концу 1914 года был уверен, что все надежды на близкое окончание войны призрачны. Поэтому я предпринял, первоначально под личную свою ответственность, лекционный тур по большим городам с программой: «За мир на основах соглашения». Так уже в первые месяцы войны возникло летучее слово – «шейдемановский мир», мир, который стоявшие направо от нас отвергали самым решительным образом и поносили как недостойный и позорный. «Где пролилась хотя капля германской крови, оттуда мы не уйдем», – говорил Бассерман. О том, чего требовали господа штреземаны, еще более правые политики, я не хочу здесь говорить.

Однако, чем более громко заявляли о себе и чем более наращивали притязания германские империалисты, тем более возрастало и недовольство трудящегося населения. Недовольство военной политикой, совершенно забывшей слова императора: «Мы не ведем завоевательной войны», охватывало даже широкие круги мелкой буржуазии и крестьянства. Кроме того, для крестьян и мелкой буржуазии причиной глубокого недовольства были недостаток в предметах первой необходимости и питания, и, этого можно и не подчеркивать, скорбь перед ужасными человеческими утратами, не пощадившими ни одной семьи. Во всей стране свирепствовал голод. Я вынужден был терпеть со своей семьей подлинную нужду, так как твердо придерживался правила не получать никакого продовольствия без карточек. Следом трехлетней голодовки является запись в моем дневнике от февраля 1917 года: «Вчера вечером я был в гостях в зажиточной семье. И в первый раз за долгое время наелся досыта».

Картофель господина фон Гампа

В этой связи приобретает особую пикантность небольшая история, разыгравшаяся у меня с свободноконсервативным депутатом фон Гампом, особенно потому, что Гамп, в качестве типичного представителя аграриев, был со мной в постоянной вражде.

На заседании одной из комиссий я говорил о нужде народа и о голоде. После моей речи ко мне подошел фон Гамп и сказал, что глубоко впечатлен моей речью. Так мог говорить, по его мнению, только тот, кто знает, что такое голод. Я ответил ему, что он не ошибается, и я сейчас как раз действительно не знаю, где добыть продовольствие для моей семьи, в том числе и для внуков, отцы которых на войне. Так как я в своей речи особенно много говорил о картофеле, Гамп спросил, есть ли у меня хотя бы картофель. «Ни одного фунта», – ответил я и вернулся на свое место. Когда я вечером пришел домой, жена сообщила мне, что к нам в изящной коляске приезжал ливрейный лакей и оставил полмешка картофеля. К сожалению, мне очень скоро пришлось снова резко обрушиться на господина фон Гампа. Тем охотнее рассказываю я эту «маленькую картофельную историю», которая, несомненно, служит к чести господина фон Гампа.

Новые дискуссии о принятии кредитов

Понятно, что при таких условиях как в рабочей среде, так и среди парламентских представителей постоянно возвращались к вопросу о военных кредитах. Позже они и должны были привести к расколу социал-демократической фракции. Споры о кредитах питались не только принципиальными разногласиями, но и сознанием, что именно военные кредиты являлись средством затягивать положение, от которого возникали все лишения. Поэтому в социал-демократической фракции часто велись дебаты о том, обязана ли партия поддерживать оборону страны. Простых ссылок на слова Жореса или Бебеля было недостаточно. Вопрос о том, ведем ли мы оборонительную войну или наступательную, вставал каждый раз с решающим значением и явился главным поводом к голосованию по вопросу об обороне страны, которое фракция провела 8 марта 1915 года, через 9 месяцев после начала войны.

Гаазе, позднее ставший вождем независимых, ошеломил в этот день фракцию наброском речи, которую он намеревался произнести в пленуме. Об этом проекте речи я записал тогда в своем дневнике следующее: «Собралась фракция. Борьба вокруг речи о бюджете, это значит борьба со стороны Гаазе. Он и я были в декабре избраны ораторами по бюджетному вопросу, но в нынешнем положении я против ораторствования. Хотя я прямо заявил об этом во фракции, Гаазе боится, что в конце концов меня склонят к выступлению. Речь Гаазе была, конечно, вся яд и желчь. В ней не было ни слова об опасности, грозящей стране, ни слова об обязанности защищать отечество. Фракция была изумлена речью, и Гаазе сделал очень много уступок. Однако в конце концов пришлось голосованием принудить включить в речь указания на обязанность защищать отечество, и это знаменательно соответствующее требование исходило от нашего радикального товарища Гоха. Оно было принято всеми голосами против Герцфельда, Генке и Либкнехта. На Гаазе возложили обязанность к следующему утру представить измененный проект речи».

«Великая Германия»

Прежде чем речь была произнесена, канцлер созвал у себя совещание главнейших партийных лидеров. От социал-демократической фракции присутствовали: Молькенбург, Роберт Шмидт, Гаазе и я. Канцлер прежде всего рассказал о переговорах между Италией и Австрией, которые тогда велись при оживленном содействии князя Бюлова. Потом он говорил о целях войны: «Мы хотим гарантий, большей свободы движения и большей возможности развития для более сильной Великой Германии». Ледяной холод пробежал по моей спине. Когда во второй раз раздались слова о «Великой Германии», мы все четверо переглянулись: Молькенбург, Роберт Шмидт и я – глубоко подавленные, Гаазе явно приятно взволнованный. Наконец оно было у него в руках, словечко о завоевательной войне, для которой у нас не оставалось возможности принимать кредиты! В обсуждении вопроса о формальной стороне рассмотрения бюджета канцлер участия не принимал. Руководство собранием перешло к Дельбрюку. Все депутаты уговаривали нас отказаться от речи, так как в противном случае придется говорить и другим партиям. Совсем как в декабре 1914 года, мы предоставили Гаазе защищать «необходимость выступления перед началом работ бюджетной комиссии». С тем, что при втором чтении будут речи, были согласны все. Наконец окончилось и это заседание.

По дороге домой я стал объяснять Гаазе, что после всех своих прежних заявлений Бетман-Гольвег не мог говорить о Великой Германии в смысле территориальном. Это казалось мне совершенно исключенным. Когда говорят о великих людях, тоже имеют в виду не сантиметры их роста и т. д. Победы Германия в настоящей войне, она действительно будет сильнее

и больше прежнего, пусть территория ее не возрастет ни на один квадратный метр. Конечно, Гаазе живо возражал, а потом оборвал неприятный ему разговор.

«Я не думаю об осуществлении целей пангерманистов»

Недостатком конференции, созванной канцлером, было большое число участников. Канцлер желал, однако, как всегда перед решительными речами, совершенно откровенно поговорить с социал-демократической партией. Об этом свидетельствует запись в моем дневнике от 9 марта. В 8 часов утра пришел посыльный с приглашением меня на 10 часов к канцлеру. Я почувствовал: «Он хочет еще раз насесть на нас, чтобы добиться отказа от речи в пленуме». Я тотчас же решаю выбить из рук Гаазе оружие, которое Бетман-Гольвег дал ему вчера вечером неосторожным оборотом речи. Я замечая Ваншаффе, что канцлер должен в предстоящих переговорах с нами вернуться к вопросу о целях войны, но вернуться так, чтобы никоим образом нельзя было сделать вывода о завоевательных намерениях, подобно тому, как это было вчера – намерениях, которых, я убежден, у Бетман-Гольвега вовсе и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.